

«КУЛЬТУРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ» ЧЕЛОВЕКА, УМЕЮЩЕГО ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО

А.И. Катца не надо представлять консерваторской публике – это человек, которого знают все. Знают, прежде всего, как профессора кафедры специального фортепиано, подготовившего более ста молодых специалистов, работающих по всему миру. Границы его мультимедийной личности настолько широки, что и знают его тоже очень широко. Тонкий музыкант, блестящий пианист, талантливый импровизатор, он известен далеко за пределами Саратова, где бы не побывал с концертами или мастер-классами (в Польше, Венгрии, Югославии, Франции, Италии, Испании, Китае, Южной Корее, Соединённых Штатах). В театральном мире его знают как автора музыки более чем к 20 спектаклям драматических театров страны (Саратова, Куйбышева, Омска и Магадана), 12 спектаклям Саратовского ТЮЗа. Наконец, как художественный руководитель Филармонии имени А.Г. Шнитке, музыкальный критик и журналист, А.И. Катц хорошо известен в музыкальных кругах Саратова, а некоторые

его публицистические выступления, размещённые в Интернете, снискали ему признание по-настоящему без границ.

В этом году ему исполнилось 80. Этот большой юбилей мог быть отмечен в Большом зале Саратовской консерватории, где Анатолий Иосифович проработал 46 лет. Но именно в этом году он оставил педагогическую работу, поэтому юбилейные мероприятия проходили в Филармонии, в рамках авторского музыкально-просветительского проекта «Встречи у рояля с Анатолием Катцем». И поскольку в Малом зале Филармонии имени

А.Г. Шнитке не так много мест, а поздравить Анатолия Иосифовича хотели многие деятели культуры и искусства нашего города, его ученики и дети, приехавшие из разных концов Света, встреча получилась почти семейной и, увы, закрытой для многих, кто искренне любит А.И. Катца.

Судя по афише, избравшей виновника торжества с длинными кошачьими усами и поистине «чепирской» улыбкой, и особенно по интригующему подзаголовку «Житейские воззрения кота Катца», там было интересно, как интересно всё, что делает этот человек, умеющий жить интересно, потому что сумел превратить свою жизнь в сплошное творчество. Мы обратились к Анатолию Иосифовичу с просьбой поделиться своими «житейскими» (умудрёнными опытом всей прожитой жизни) воззрениями на культуру, созиданию которой в нашем городе он посвятил всю свою жизнь.

- Анатолий Иосифович, на открытии фестиваля, посвящённого 110-летию Д.Д. Шостаковича, Вы сказали, что Дмитрий Дмитриевич жил в одном

веке, а нам, тем, кому сегодня 16+, довелось жить в двух столетиях, и это – интереснее. Что Вы, как человек, в этом году отметили свой 80-летие, имели в виду? Какие перемены, происходящие в окружающем мире, Вам интереснее всего наблюдать?

- Я родился во второй трети XX столетия. Уже в студенческие годы я понял, что интеллигенции в нашей стране жить очень сложно – мне не дают читать то, что я хочу читать, не дают смотреть то, что я хочу смотреть... Я примыкал к движению диссидентов: мы обсуждали, что такое Солженицын, читали Платонова, Булгакова, «Белую стаю» Цветаевой – то, чего нельзя было читать в те времена – в 50-е и в начале 60-х. Потом возникло

движение шестидесятников, и я почувствовал себя шестидесятником. И всё было очень хорошо, пока в 1972 году меня не поставили к «Позорному столбу» (была такая статья в саратовской газете «Коммунист»), не уволили из консерватории, потому что мне, оказывается, нельзя было работать со студентами с моим мировоззрением. Пять

лет этот карантин выдерживался, потом меня позвали обратно, и я вернулся в консерваторию. Параллельно всё это время (с 1966 года) я был солистом Филармонии. И там тоже были попытки меня запретить, снять с меня все звания – Лауреата Всесоюзного и Международного конкурсов... Но тут на мою защиту неожиданно встал профсоюз, и меня оставили в покое. Потом наступил период вроде бы свободы. Так получилось, что я даже попытался участвовать в 1991 году в событиях возле Белого дома. В тот

момент у меня в Москве была запись (мы записывали пластинку с солисткой театра О.В. Бардиной), и так как от улицы Качалова, ныне Малой Никитской, до Белого дома очень недалеко, сразу же после записи я помчался туда. Записался в 22-ю сотню. Но при последней перекличке, где-то уже в 11 часов вечера, начальник этой группы посмотрел на меня, с огромным портфелем с нотами, и сказал: «Знаете, Вы лучше идите домой, поспите – что тут будет, неизвестно». В общем, меня отправили домой. Но я потаскал всяких прутьев и ещё каких-то штук на баррикады. А то, что потом началось в стране, то и началось... Сейчас, уже

в XXI веке, живётся как-то очень странно, по сравнению с XX-м. Вроде бы и нет никаких кордонов, никто

чиная со студенческих лет (1955 – 1960), пришлось на «эпоху Шостаковича». Не могли бы Вы, как ведущий

тебя не закрывает, ничего тебе не запрещается. Но жить стало труднее. Казалось бы, с тех пор, как объявили гласность, её никто не отменял, однако нужно обладать строжайшей самоцензурой, чтобы не произнести, не дай Бог, чего-нибудь, что РосКомНадзор (Российский комитет по надзору за прессой, средствами массовой информации и культурой) не превратит в антироссийское или антиправительственное выступление. Например, сейчас, на Фестивале Шостаковича, я цитирую книгу Соломона Волкова, которая до сих пор официально не издана в России, и не знаю, что за этим может последовать...

- *Ваша молодость, на-*

юбилейного Фестиваля, организованного Вашим учеником И.Н. Виноградовым, вспомнить свои «культурные ощущения» того времени? Вы чувствовали присутствие Шостаковича в своей жизни?

- Ну, конечно. После окончания Саратовской консерватории я поступил в аспирантуру Московской консерватории, и, естественно, постоянно ходил на концерты. Я был на премьере Тринадцатой симфонии Шостаковича, очень сильное впечатление на меня произвела Четвёртая симфония, которая 25 лет была в опале, – она меня потрясла совершенно до основания. Я бывал на концертах, где Шостакович присутство-

вал, и одно единственное моё с ним близкое соприкосновение произошло на премьере Четырнадцатой симфонии. Это был Пленум Союза композиторов, где показывались новые сочинения. В первом отделении была Четырнадцатая симфония, во втором – сочинения других композиторов. И вот я наблюдаю такую картину в Большом зале консерватории: прижатый к стене, стоит Дмитрий Дмитриевич, с нервно сцепленными руками, всё время поглаживая себе то одну щёку, то другую, вокруг него – толпа народа. Я подошёл поближе, чтобы понять, что он говорит. А он, пожимая руки, каждому говорит одно и то же: «Вы гениальный композитор. Вы гениальный, Вы замечательный, Вас надо публиковать, Вас надо исполнять и пропагандировать...» И все слушают внимательно. Вдруг ко мне сзади подходит Святослав Николаевич Кнушевицкий и говорит: «Толя, помоги мне, потому что мне это неловко. Как-нибудь прорвись к Дмитрию Дмитриевичу и скажи: «Дмитрий Дмитриевич, извините ради Бога, Вас в фойе ждёт министр». И я проталкиваюсь сквозь толпу, подхожу к нему и говорю: «Дмитрий Дмитриевич, извините, что прерываю Ваши беседы, но Вам про-

сили передать, что Вас ожидают в фойе высокие люди». – «Да-да-да, спасибо», – он меня взял под локоть, и я его вывел, и там его встретил Кнушевицкий, который вместе с Д.Ф. Ойстрахом спасал его из «плена». Так состоялось моё единственное близкое знакомство с Шостаковичем.

- По аналогии с «эпохой Шостаковича», как бы Вы определили культурную ситуацию нашего времени, и радуется ли Вас сегодняшнее состояние культуры?

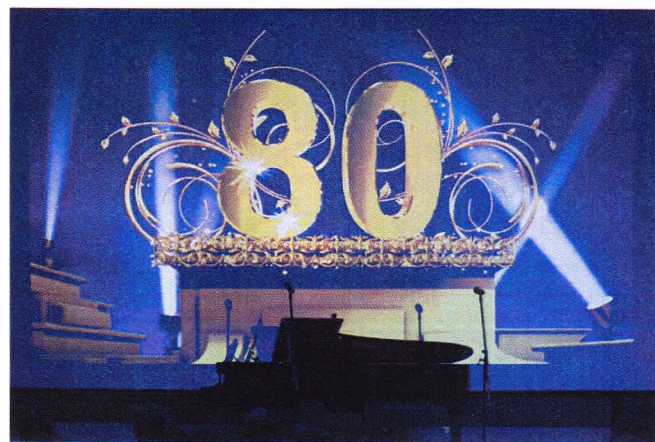
- Сегодняшняя культурная ситуация мне не нравится. И вот почему: изменились предпочтения. Выросло новое поколение, которое предпочитает слушать совсем другую музыку. Я очень хорошо отношусь к джазу, нормально отношусь к рок-музыке. Но вот мне стало любопытно – все говорят: «группа Ленинград, группа Ленинград», – что это такое? И я её нашёл в Интернете. Стоят молодые люди, которые поют вместе со

Шнуровым, причём поют все тексты, все мелодии. Та же самая ситуация на концертах Киркорова, Валерии – все всё знают и поют. Но

совершенно меня удручает программа «Голос – дети», где поют очень музыкальные ребята, они с детства воспитываются на попсе и хотят петь и слушать только это. Сегодняшняя эпоха – безусловно, «эпоха попсы». Мы пытаемся заниматься пропагандой классики, что очень трудно нам даётся. Время в этом отношении тяжёлое. Филармоническая публика стареет, молодых слушателей становится всё меньше. Некоторые меня уверяют, что не так всё плохо, что есть молодёжь, которая собирается в кружок, читает какие-то хорошие стихи и хорошую литературу, слушает классическую музыку. Вполне возможно... Но вот недавно прошли выборы в Государственную Думу, и только в одной программе партии «Яблоко» я увидел слова «культура и искусство». Больше

нигде – ни у «Единой России», ни у коммунистов – таких слов нет. Я голосовал за «Яблоко». Провалились они, как Вы понимаете, по полной программе. Даже процента не набрали.

- Анатолий Иосифович, как человек, который не пропускает премьеры в Саратовском оперном театре, часто бывает в Большом и Мариинке, как Вы оцениваете сегодняшние режиссёрские эксперименты в музыкальном театре?

- Когда 61 год назад я приехал в Саратов, здесь в Опере был феноменальный репертуар. Шли «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Алмаст» А. Спендиарова, «Бал-маскарад» Верди, – было много такого, чего даже в Ленинграде не было. Я три месяца не мог попасть на «Отелло» Верди – по студенческим билетам не пускали, потому что зал был забит битком. Пока был жив Н.А. Шкаровский, всё было нормально. Потом наступили

времена немножко других дирижёров. Потом появился Ю.Л. Кочнев – человек, прогрессивный в том смысле, что он может создать какую-то репертуарную новинку, он её очень хорошо чувствует, плюс

конъюнктура, плюс попытка выйти на «Золотую маску»... Юрий Леонидович выбирает вещи, безусловно, интересные, но они почему-то не входят в постоянно действующий репертуар. Он поставил «Трёхгрошовую оперу», «Расцвет и падение города Махагони» К. Вайля – последний спектакль прошёл ровно три раза. Потом промелькнула «Маргарита» В. Кобекина, «Риенцы» Вагнера продержался полтора сезона. Появился «Стальной скок» С. Прокофьева, впервые в России поставленный. Ничего не могу сказать – хороший спектакль, но хореография совершенно не соответствует прокофьевской музыке, потому что «Стальной скок» – это продолжение «Скифской

сюиты», с грубыми, очень жёсткими ритмами и звучаниями. Оркестр играет сам по себе, балет на сцене танцует «любовный треугольник». Наверху почему-то висит автомобиль, который в конце спектакля падает. Почему падает, тоже не знаю. Поэтому я боюсь идти на «Золушку» – боюсь, что музыка не совпадёт с тем сюжетом, который теперь называется «Супер Золушка». Я много лет прошу Юрия Леонидо-

вича поставить «Царскую невесту», но он говорит: «Толь, прости, но я её не люблю...» Вот «Золотой петушок» в Большом театре. Сказка, но с каким-то немножко злым политическим подтекстом. Поднимается занавес. Дирижирует Синайский. На увертюре первыми появляются какие-то секретари с бумагами, бегут через сцену, на ходу что-то пролистывают. Следом проходят какие-то чиновники, а в конце возникает полицейский с овчаркой, которая обнюхивает всё на свете. Это мы во дворце Царя Дадона. Декорации сильно напоминают Георгиевский зал Кремля, стоит охрана с автоматами. А что творится в шестивии! – на сцену выезжает танк гигантских размеров.

На трибуну выходит Дадон и делает рукой жест а la Л.И. Брежнев. Зачем и кому это надо?.. Тоже Большой. «Дон Паскуале» – прелестная опера, я её очень люблю. Там такие хорошие арии и вообще всё замечательно. Но вот действующие лица: «Дон Паскуале» – президент Римского университета святого Иеронима, лауреат премии общества истории и археологии. Доктор Малатеста – специалист по фандрайзингу, доверенное лицо дон Паскуале». Это зачем? Одно время мне говорили – молодёжь надо привлекать, она на костюмные оперы ходить не будет. Да чепуха это всё! Ставил всё это дело тот знаменитый, печально известный реформатор оперного искусства и сцены Тимофей Кулябин, прославившийся постановкой «Тангейзера» в Новосибирске. Это – издевательство над искусством. Тогда мы Шумана должны играть в рок-обработке или как?.. Саратовская публика не готова к этому. И не будет готова долгое время. Я перестал советовать Кочневу «Царскую невесту», потому что я очень боюсь, что приедет режиссёр, который перенесёт это в наши дни, и Бомелий будет каким-нибудь наркоторговцем, а действие обязательно закончится в сумасшедшем доме.

- Анатолий Иосифович, как Вы, коренной ленинградец, оказались в Саратове и не приходилось ли Вам сожалеть об этом?

- Саратов был выбран в результате паники моих родителей, потому что меня не приняли в Ленинградскую консерваторию. Причина мне известна - это так называемая пятая графа, национальная проблема. А в Саратове жили родственники, и мне было куда приютиться. Конечно, поначалу я очень скучал по Ленинграду, но как-то очень быстро акклиматизировался. Мне очень нравится Волга, и у меня был очень хороший учитель - Александр Оскарович Сатановский, я ему очень благодарен. Я пытался вернуться в Ленинград (мою первую жену приглашали в Мариинский театр петь), но когда мне предложили работать в Детском отделе Ленинградской областной филармонии, я сказал «нет», я уже был к тому времени Лауреатом Международного конкурса. У каждого человека, наверное, бывают моменты, когда он думает: «вот если бы тогда я сделал то-то и то-то, что бы со мной было?» И когда я представляю, что было бы, останься я в Ленинграде, я понимаю, что уже никогда бы не встретил С.Н. Кнушевицкого, который принимал у меня Государственный экзамен, а

потом вывез меня в Москву и привёл в класс Н.П. Емельяновой. Я бы никогда не стал играть с Кнушевицким в ансамбле, а мы с ним ездили по всей России и в Китай. Никогда бы не играл с И.Д. Ойстрахом, М.Э. Хомицером, Н.Н. Шаховской... И, в конце концов, я бы никогда не встретил Валентину Виноградову, и не родилась бы у нас дочка под названием Марина. В этом смысле я абсолютно счастливый человек. И что самое странное: я приезжаю сейчас в Санкт-Петербург, а он для меня чужой. Невероятно красивый, совершенно феноменальный город, к которому я по-прежнему отношусь с огромной любовью, но у меня нет желания там жить.

- Анатолий Иосифович, что мешает Саратову, который называет себя столицей Поволжья, стать «культурной» столицей Поволжского региона?

- Саратов всегда был купеческим городом, что отразилось на его культуре. Начнём с того, с что Саратов - не миллионный го-

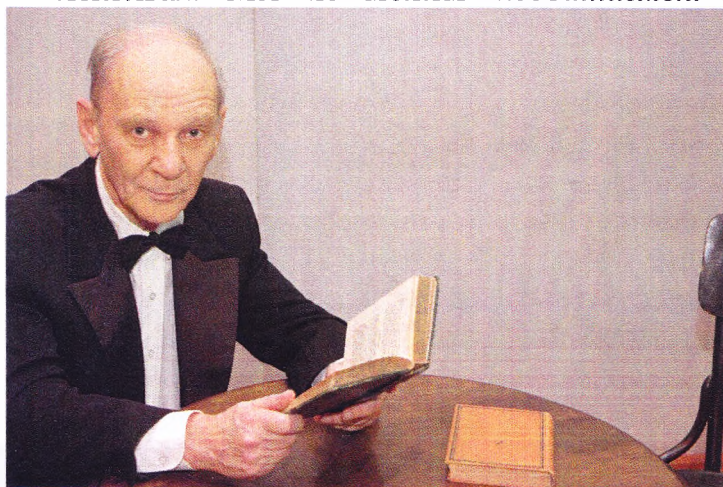
род, а это имеет огромное значение. Была в своё время идея соединить Саратов с Энгельсом - был бы большой город Саратов и в нём - Энгельсский район. Не разрешили, потому что это ведёт к большим материальным издержкам - снабжение по первой категории, постройка метро... Но в конечном итоге, всё зависит от руководства. У Шостаковича есть такие воспоминания, где он говорит: «Вот мне тут книга одна попалась... В уездном городе N собрался квартет: на альти играл мэр, вторую скрипку играл какой-то полицмейстер, первую - кто-то из чиновников, а играли они Первый квартет Мендельсона». И Волков говорит Шостаковичу: «Вот Вы представьте, что

сейчас собрались играть мэр города Саратова, губернатор Саратовской области, председатель областной думы и председатель городской думы. Какую музыку они сыграют?..»

- Согласны ли Вы с государственной культурной политикой и что бы Вы, как человек, создающий культуру, исправили в этом направлении?

- Политику мы придумаем, как вести. Денег нам дайте. Как ни странно, всё заканчивается таким простым лозунгом. Нам всё время сокращают бюджет. У нас произошли сокращения в нескольких коллективах. Мы не можем

ничем маневрировать, когда такая ситуация. Вы не видели концерт Гергиева в Сирии на развалинах Пальмиры? Дикая совершенно показуха, и все смолчали. А сколько стоила такая поездка? Думаю, под 500 миллионов всё это обошлось. Мы не можем диктовать политику. Мы её можем только соблюдать. Но если бы там, где принимаются решения, от меня что-то зависело, я бы настоял на том, чтобы в бюджете страны культура не была на последнем месте. И чтобы чиновники по-

нимали, что культура – это не только Москва и Санкт-Петербург, не один Пушкинский музей, с его «аппетитами», на которые итрёх бюджетов не хватит, что эти 2,6 процента культурного бюджета страны – на всю страну надо делить. Господа, ну хоть что-нибудь нам оставьте! Ведь мы много не просим...

- И последний вопрос: если бы Вас отправили на необитаемый остров, ка-

кие музыкальные шедевры, созданные в XX веке, Вы бы взяли с собой, но не больше 5 наименований? И почему?

- Из репертуара XX века я бы взял 8 симфонию и «Екатерину Измайлову» Шостаковича, «Турангалилу» Мессияна – сочинения, которые я готов слушать всё время, в которых я каждый раз нахожу какие-то новые детали, новые смыслы. Я бы взял (наверное, вы сейчас очень удивитесь) мюзикл «Скрипач на крыше» по Ш. Алейхему – это совершенно гениальная театральная музыка. Я бы взял всего Дунаевского, ей Богу, которого я очень люблю. И обязательно – Первую

симфонию Шнитке, потому что она совершенно удивительная, в ней есть что-то такое, неразгаданное до сих пор. Не могу сказать, что эту музыку я слушаю ежедневно, но слушаю её достаточно регулярно.

- В Вашем «багаже» не оказалось ни одного фортепианного произведения?..

- Меня физически кормит моя профессия – пальцами шевелить по клавиатуре, а духовно, внутренне питает всё-таки опера и симфония. Но вообще это трудный вопрос. Если бы Вы меня спросили, какую бы книгу я взял, я бы ответил – всю свою библиотеку. И в качестве постскриптума могу добавить: жить интересно! Всё-таки это очень любопытная штука, жизнь! Неожиданностей вроде бы не ждёшь, но когда они появляются, становится интересно, хотя и неожиданности бывают всякие – и хорошие, и плохие. В нашей стране, живя уже в XXI веке, непонятно, от кого мы все зависим – то ли от государства, то ли от президента, то ли от Банка, я не знаю... Поэтому я предпочитаю спокойную, сосредоточенную работу с самим собой, внутри себя, снаружи себя в рамках служебных обязанностей, и обязательно что-нибудь новое, интересное выдумывать.

Материал подготовила
Н.В. Королевская